

ПОДТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ «ВНЕСЛОВЕСНОЙ» РЕАЛЬНОСТИ

Изучение подтекста как типа металогической образности в произведениях классиков всегда представляло интерес для литературоведческой науки, т. к. позволяло глубже проникнуть в смысл художественного творчества. Подтекст является металогическим (в отличие от автологического) типом образного выражения смысла высказываемого, содержание которого выходит за пределы видимой «внесловесной» реальности. Предметно-психологическая данность интуитивно угадывается в словах, которые составляют текст произведения. В подтексте прочитывается «тайнопись» человеческой души, то, что связано с внутренней жизнью персонажа или повествователя. «Внесловесная» реальность в подтексте представлена не предметной образностью, а непредметными, невидимыми образами, выявляющими психические процессы мышления, эмоции литературных героев. Непредметный мир в подтексте получает смысловое выражение посредством компонентов изобразительности (художественной предметности), в частности, единичных подробностей (детелей) изображаемого (смысловых, зрительных, осязательных, обонятельных, слуховых и др.), т. е. «озвучивание» подтекста происходит через «внесловесную» предметную реальность. Предлагается анализ текста «Путевых записок» А. С. Грибоедова, в частности, «уединенных монологов», организующих пространство для выявления смыслового и психологического звучания подтекста. Анализируются компоненты изобразительности, в частности, типы художественной детали, которые помогают интуитивно осмыслить невысказанное в подтексте. «Уединенные монологи», характерные для дневниковых записей высказывания, осуществляются «человеком либо в одиночестве, либо в психологической изоляции от окружающих». (5, с. 199), названные Ю. М. Лотманом «автокоммуникацией», предназначаются не для читательского восприятия, а для авторского самовыражения и выступают в форме «сокращенной, отрывочной, бессвязной» и не всегда понятной речи (Л. С. Выготский) (5, 199). Кажущаяся «бессвязность» «уединенных монологов», внутренней речи «для себя», открывает возможности прочтения невысказанных мыслей автора, т. е. подтекста. С учетом художественных особенностей дневникового жанра «Путевых записок» А. С. Грибоедова, делается попытка прочитать» (истолковать, раскодировать) смысловое значение подтекста, наполнить его содержанием, выделить «единий стержень» (идею, лейтмотив, главную объединяющую мысль) всего произведения, охарактеризовать образ автора не только в «историческом, биографическом, литературно-художественном контексте» (2, 311), но и с точки зрения его психологического состояния (летом 1825г. в Крыму). Понять «недосказанное», прочитать подтекст написанного возможно путем анализа художественной образности текста, а также привлечения к исследованию произведения других источников, в частности, малоизвестных фактов биографии поэта, его эпистолярного наследия.

Написанные в 1825 г. «Путевые записки» А. С. Грибоедова впервые были напечатаны в «Русском слове» в 1859г. № 4, 5, т. е. через 30 лет после смерти поэта, из его «Черновой тетради», хотя ничего антиправительственного в них не содержалось. Этот факт может послужить свидетельством того, что дневниковые записи скорее всего были написаны «для себя», а не для публикации, или как материал для других планируемых произведений

Исследователями (Г. Костюк) выделяются несколько типов дневниковых жанров (дневники, которые пишутся специально для публикации, к примеру, дневники-мемуары; дневники глубоко личные, интимные, наполненные чувствами, переживаниями и др.), в их числе отмечается жанр, похожий на «телеграфные заметки» [2, с. 335], в которых записываются место и дата пребывания, мелкие эпизоды, как бы не связанные логично, лишшающие произведение целостности, оставляющие читателю не совсем понятное содержание и возможность самому понять смысл незавершённого, прочитать подтекст. Все эти особенности дневникового жанра относятся к «Путевым запискам» А. С. Грибоедова. Они были написаны в трёхмесячном путешествии по Крыму (датированные записи охватывают период с 25 июня по 12 июля 1825 г.), совершенном им по пути следования на службу в Тифлис. В Крыму, как доказательно утверждают исследователи творческой биографии А. С. Грибоедова (М. В. Нечкина, П. А. Дегтярёв, С. В. Венюкова), писатель должен был выполнить поручение членов тайного декабристского общества. Писатель был знаком со многими участниками тайных обществ, будущими декабристами — П. И. Пестелем, К. Ф. Рылеевым, С. И. Муравьевым-Апостолом, М. П. Бестужевым-Рюминым (все названные пятеро были казнены в 1826 г.), В. К. Кюхельбекером. С некоторыми он был в переписке. О причастности автора комедии «Горе от ума» к тайному движению существует предположение, что он не был организационно оформлен декабристами по той же

известной причине, что и Пушкин. В Крыму, в Гурзуфе, Грибоедов встречался на вилле графа Густава Олизара* с представителем Северного общества Николаем Оржицким** [1, 40]., о чём он сообщает в письме к А. А. Бестужеву от 22 ноября 1825 года: “Оржицкий передал ли тебе о нашей встрече в Крыму? Вспоминали о тебе и Рылееве, которого обаими за меня по-республикански [3, 593].

В сравнении с комедией “Горе от ума”, которая была злободневным откликом на общественно-политические события в России, “Путевые записки”, являясь дневником путешествия, отражающим отношение поэта к природе, истории Крыма, расширяют наши представления о жанрах и тематике творческого наследия писателя.

В “Записках”, конечно, не могло быть, из-за конспирации, упоминаний Грибоедова о его взаимоотношениях с декабристами, но многие вопросы, лишь вскользь затронутые в дневнике, возможно, обсуждались при встрече в Гурзуфе.

Тексты записок отличаются присущей жанру максимальной редукцией языковых форм (Л. С. Выготский) [5, с. 199]. Предельная лаконичность, сокращённость высказываний (или “уединённых монологов”) придают дневнику вид как бы зашифрованных записей, затрудняющих осмысление записанного. Характерный пример, отрывок из текста записок (сделанных именно в момент тайной встречи с членами польского “Патриотического общества” на вилле графа Олизара, где присутствовал Адам Мицкевич, Генрих Ржевусский и представитель Северного общества Николай Оржицкий. В тексте даётся описание “участка Олизара”) [1, с. 40]:

“28 июня. Сад, розмарины, розы, маслины, смоковницы, лилии, дева утёса в Кизильташ. — Ещё родник в саду; беседка к морю, затишье от бури...Подводные камни не доезжая деревни. Бакланы, дельфины.

29 июня. Партенит, вправо Кизильташ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагом дикие каменные места, участок Олизара, шумные однообразные плескания волн... Кипарисник возле балкона, вправо море беспредельное....” и т. п.

Дневник путешествия, в первую очередь, представляет собой краткие описания крымских природных особенностей, скрупулезно перечисляются названия дикой и садовой растительности (орешник, кизил, ясени, клён, грецкий орешник, акация, дикий виноград, смоковница, шелковица, сливы, черешни маслины, кипарисы, оливы, лавры, гранатники и т. п.); диких и домашних животных (летучие мыши, орлы, бакланы, зайцы, лисицы, змеи, дельфины, овцы, козы); горных ландшафтов (пещеры, скалы, котловины, террасы, обрывы, своды, коридоры, овраги, бездны, гроты, утёсы, своды, коридоры, мысы, пригорки и т. п.). В дневнике, кроме перечисления большого числа географических понятий, даётся подробная топонимика крымских окрестностей, названия гор (Аян, Чатыр-Даг, Альгар, Карадаг, Аю-Даг и др.); названия рек (Салгир, Альма, Бельбек, Узень и др.); поселений (Човки, Буюк - Джанкой, Бахчисарай, Алушта, Тимерджи, Алустон, Саблы, Дереокой, Аутка, Кадыкой); отдельного места Севастополя (Балаклава, Херсонес, Инкерман, бухты: Севастопольская, Корабельная, Песочная, Стрелецкая, Круглая, Камышовая, Казацкая и т. д.).

Топонимика сопровождается рисунками и схемами гор, древних замков, жилищ, укреплений. В окрестностях Севастополя автор наблюдает множество неизвестных ему строений (“поля разделены на клетки каменистыми основаниями”), которые он называет “четверторостронниками”, и в тексте рисунком трижды изображает их. Остаётся домысливать, зачем автору понадобились подобные записи множества разного рода крымских названий. С точки зрения жанровых особенностей дневника, записи датированы, фиксируют только что случившееся. Предельная точность и лаконичность записанного дают повод подумать о том, что записки сделаны для памяти, “для себя”, являются как бы черновыми материалами, на основании которых пишутся художественные произведения любого жанра. Внимательное отношение к крымской топонимике, названиям растений, животных, архитектурным памятникам, возможно, было вызвано желанием автора заняться темой Крыма в дальнейшем творчестве. Среди описаний природы незначительное место в дневнике занимают записи, касающиеся этнического состава крымских народов. “Из 14 страниц текста дневника, из приблизительно 588 строк, только чуть более десятка строк принадлежит этой теме, записанных без авторских комментариев). Хотя, как уже говорилось, вопросы положения народов Крыма, как частные, в кругу проблем государственного устройства России, могли обсуждаться на тайных собраниях декабристов в Гурзуфе.

Исходя из коротких записей, можно заключить, что в крымском этносе его интересуют все народы, населяющие полуостров в прошлом, и настоящем, каждый из которых внёс или вносит созидательное начало в обогащение природы и культуры Крыма. В Севастополе внимание писателя обращено на следы древней греческой цивилизации в Херсонесе. Записи: “... древние фундаменты, круглые огромные камни и площади...нынешний остаток стен может быть только Акрополь” [3, с. 464]; “заглохшая тенистая тропа посреди одичалых остатков греческого садоводства”, — по-видимому, были вызваны сожалением автора об утраченных традициях греческого земледелия, садоводства, строительства жилищ и культовых сооружений.

В “Записках” упоминаются “пепелища” многих древних народов: греков, генуэзцев,

лигурийцев, хазаров, готфов, евреев, славян в форме лаконичных записей. “Внизу надгробный памятник неизвестного, надпись русская сглажена” [3, с. 466]. “Жидовское кладбище. Не худо бы разобрать надписи” [3, с. 466]. Понятно, что эти записи о следах запустения, разрушения старой культуры могли быть написаны и любопытствующим писателем, и просто человеком, огорченным забвением памяти об ушедших людях.

В кратких заметках проявляется писательский интерес Грибоедова к историческому прошлому проживающих в Крыму народов. Он пытался проникнуть в историю происхождения разных народностей, записывая краткие наблюдения: “у здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие, они белокуры, черты северные”; “хазары прежде назывались готфами” и т. п.

В “Записках” нашли отражения упоминания автора о пребывании в Крыму древних славян, русского князя Владимира, будущего крестителя Руси. Рассматривая полуразрушенные части стен и башен Херсонеса (в окрестностях Севастополя), Грибоедов воссоздаёт в воображении летописные страницы о событиях в Корсуне: “Не здесь ли Владимир построил церковь? . . . Может, великий князь стоял на том самом месте где я теперь . . .” [3, с. 463]. Записанное отмечено знаком “NB. Воспоминания о великом князе Владимире” [3, с. 461], что позволяет увидеть в этом примечании начало творческого замысла — написать произведение об истории Киевской Руси. В письме, написанном Грибоедовым писателю В. Ф. Одоевскому до путешествия в Крым, из Киева, имеется подтверждение нашим предположениям, что автор “Записок” был заинтересован древнерусской темой: “Я в древнем Киеве; надыхался здешним воздухом . . . здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изясловы совершенно овладели моим воображением” [3, с. 586]. В Крыму, в Херсонесе, по-видимому, созрело окончательное решение выполнить свои замыслы.

Несколько наблюдений в “Путевых записках” уделено образу жизни татарских народностей, которые в те времена были многочисленны в Крыму: “татары любят земные плоды”; “кровли черепичные”; “мельница, дом, гарем (жёлтенький, в ограде)”; “гостиницы, прекрасное угощение” [3, с. 456, 460, 465]; но чаще в дневнике встречаются замечания: “запачканные мечети”, “лень и бедность”, высказанные не в осуждение татарских поселений, а скорее как недовольство государственной властью России, не проявлявшей внимания к культуре и хозяйству Крыма, к положению его населения. Из отрывочных высказываний писателя о прошлом и настоящем крымских народов можно составить представление о его взглядах на развитие культуры Крыма — поэт оставлял право всем народностям иметь и сохранять свои национальные традиции.

В “Путевых записках” это не сказано, но можно догадаться, что именно с этими мыслями были сделаны краткие наброски о жизни населения Крыма. Подтверждение находим в письме к С. Н. Бегичеву, написанному после поездки: “Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, когда исчезнет русское племя, как им поступить с бренными остатками нашего бытия” [3, с. 592].

Прочтение коротких записей в дневнике путешествия обнаруживает ещё одну тему, которую сам писатель не затрагивает - это изображение психологического состояния автора летом 1825г, находящегося в Крыму после утомительной столичной суеты, нападок критики и цензуры, взволнованного встречей с декабристами. Грибоедов, как известно из его писем, любил путешествия: “кровь волнуется”, “высокие мысли бродят”, “воображение свежо”, “бурный огонь в душе пылает” [3, с. 589]. Направляясь в Крым, скорее в деловую поездку, чем в развлечение, писатель надеялся, что путешествие избавит его от окружения литературных поклонников и недругов, для которых он “сочинитель Фамусова и Скалозуба”, принесёт ему долгожданное уединение, которое необходимо каждому художнику для творчества (“у меня с избытком найдётся что сказать . . .”) [3, с. 588]. Дневник путешествия по Крыму — “Путевые записки” - прослеживает изменения в душевном состоянии поэта.

Читатель может обратить внимание на особенности лексического материала, на избирательность в выборе эпизодов путешествия, состояний природы, и составить определённое представление о настроениях путешественника. При анализе средств художественной образности обнаруживается предпочтение писателя в выборе тех или иных образов, которые создавались в дневниковых записях, скорее всего, не осознанно. Зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и др. образы, или типы художественных деталей, образуют смысловое пространство, в котором интуитивно угадывается содержание психологического подтекста. Записи дневных пейзажей отражают состояние поэтического вдохновения автора, в зрительных образах пейзажей отдаётся предпочтение светлым и ярким цветам: “розовая полоса солнца”, “Судак синееется вдали”, “светозарный шатёр солнца”, “море светится”, “красивые разноцветные камушки, прекрасно округлённые” и т. п. В описании ночных пейзажей зрительные образы выражают эмоционально-приподнятое настроение: “ночь звёздная, прекрасная”, “маяк светится”, “луна плавает над морем”, “звезда скатилась надо мною” и т. п.

Осязательные и слуховые образы дают представление о вечернем покое в горах: “сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, блянье козлов и овец”; об утренней бодрости: “бросаюсь в море,

вода холодная, как лёд” Обонятельные образы выражают приподнятое настроение от наслаждения ароматами растений: “душистые травы, от которых весь воздух окурен”. И только в конце дневниковых записей появляется единственная авторская оценка собственного настроения: “Лунная ночь. Теряюсь по садовым извитым и тёмным дорожкам. Один и счастлив” [3, с. 468]. Так, в “Путевых записках” изображается душевное состояние автора во время путешествия по Крыму: воодушевление, бодрость, спокойствие, уравновешенность, настроение поэтического вдохновения, что, по представлению писателя, составляет счастье творческого человека. По окончании поездки, перед дорогой на службу в Тифлис, в письмах к С. Н. Бегичеву опять наблюдаются мрачные настроения Грибоедова: “скучно”, “грустно”, “тоска”, “пора умереть”, предчувствие им трагического исхода [3, с. 592]. Итак, прочтение подтекста в “уединённых монологах”, кратких высказываниях в “Путевых записках” А. С. Грибоедова, позволяет сделать следующие выводы. “Единым стержнем”, главным лейтмотивом, главной объединяющей мыслью автора в “Путевых записках” является внутреннее осознание, что пребывание в Крыму, с его природными и историческими особенностями, равноценно получению “премии” (по образному выражению Таврического губернатора А. М. Бороздина) [3, с. 467], способной удовлетворить многообразные потребности человека, реализовать его интересы, прежде всего духовные, творческие, и вызвать наивысшее удовлетворение от процесса бытия — состоянии счастья.

Из коротких заметок путешественника, не связанных сюжетом, складывается содержание “Путевых записок”, объединяющей темой которых является описание крымских мест.

Содержание “Записок” углубляется за счёт осмысления подтекстового значения написанного, причём, наличие подтекста не является авторским приёмом, а характерным стилистическим признаком дневникового жанра. Фрагментарность высказываний (“уединённых монологов”) позволяет читателю, исследователю, в достаточной степени знающему, понимающему творчество и биографию писателя, “досказать несказанное”, проникнуть в мысли самого автора, домыслить его представления об увиденном. “Невысказанное” автором, но «досказанное» в подтексте “Путевых записок” представляет собой круг общественных и нравственных вопросов преддекабристского времени, не потерявших своего значения и сегодня: проблемы культуры и экономики народов России, в их числе, крымских народностей; вопросы сохранения исторического наследия прошлого; вопросы эстетической и нравственной ценности природы Крыма; проблемы свободы творческой личности и мн. др.

Исходя из анализа текста “Путевых записок” и писем крымского периода, “досказав несказанное”, нетрудно представить образ мыслей автора дневника, его взгляды на поставленные им вопросы: его как патриота, дипломата заботит судьба Крыма и его народов, являющихся частью его Отечества; ему как писателю интересна история Крыма, в особенности, связанная с возникновением христианства в Киевской Руси, могущая стать темой его будущего творчества; природа Крыма видится писателю источником поэтического вдохновения и нравственного здоровья. Многие “недосказанное” автором в “Путевых записках” найдёт своё осмысление со временем, благодаря исследованию непредметной «внесловесной» реальности в подтексте произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венюкова С. В. Севастополь. История в лицах. – Севастополь: Мир, 1998.
2. Галич О. А., Назарец В. М., Васильев Е. М. Теория литературы. – Киев, 2001.
3. Грибоедов А. С. Сочинения. – М., 1956.
4. Дегтярев П. А., Вуль Р. М. У литературной карты Крыма. – Симферополь, 1965.
5. Хализев В. Е. Теория литературы. – М., 2000.

О.ПОЛЯКОВА

© 2006

ФРЕЙМОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

Анализ структуры институционально-ритуальных актов рекламной дискурсии целесообразно провести на примере рекламы медицинских препаратов. В последнее время рекламный дискурс (РД) привлекает внимание специалистов многих областей, в том числе и лингвистов; однако, несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных изучению рекламного дискурса, нам не удалось обнаружить исследований РД лекарственных препаратов. Представляется, что этот тип дискурса привлекателен прежде всего потому, что он представляет собой некую гибридную форму, сочетая характеристики (а) рекламного дискурса, (б) инструктивной дискурсии и в некоторых случаях (в)